

СЧАСТЛИВЫ судьбы хороших книг — их герои, явившись однажды читателю, становятся необходимыми, будто всегда существовавшими в отечественной литературе. Трудно поверить, что еще не прошло и пятнадцати лет, как героико-романтическая история о подвиге пяти девушек и старшины Васкова покорила сердца миллионов читателей, а затем и зрителей. Потом тот же автор поведал нам притчу о чудаковатом, нескладном на первый взгляд Егоре Полушкине — чистой душе, «бедоносце», как звала его жена. Прошло еще немного времени, и лейтенант Плужников, последний защитник Брестской крепости, «не значившийся в списках», занял место среди юных героев войны, отдавших свои жизни во имя Родины...

Я говорю сейчас о тех работах писателя Бориса Васильева, которые стали событием в литературной жизни страны, от этих книг пошли концентрические круги в виде спектаклей, фильмов и даже оперы. Критики, анализирувавшие творчество Б. Васильева, решительно отнесли его к литераторам, пишущим на военную (то есть о Великой Отечественной войне) и современную темы. И вдруг большой многообъемный, многофигурный роман «Были и небыли»: русско-турецкая война, Скобелев, разветвленная семья Олексиных...

ИЗ БЕСЕД С ПИСАТЕЛЕМ

— Я с удовольствием пишу об армии — о Красной Армии, о Советской Армии, о русской армии. Исповедую принцип: писать о том, что сам хорошо знаю. Я в армии вырос, вырос в военных городках, среди армейских разговоров, я... «в духе» армии, если можно так сказать. Армейский быт, ритм жизни неизменны — казармы, побудки, тревоги, построения. Меняется лишь техника, но остаются люди, остается то главное, ради чего сражались и гибли, — Родина.

Б. Васильев ценит высокий профессионализм в любом деле. Кадровый военный, инженер, выпускник академии, он с гордостью говорит о высокообразованных офицерах, которым доверена защита Отечества.

— Нас учили серьезно, фундаментально, и для меня слова тактика, стратегия, военная история, оперативное искусство не просто слова; я на деле знаю, что это такое, знаю, в чем заключается полководческое искусство, какими данными должен обладать командир.

Я родился всего два года спустя после окончания гражданской войны. На всю жизнь осталась в памяти атмосфера полков, где служил отец. Ах, какие люди приходили к нам в дом, лихие кавалеристы, рубаки, молодое поколение командиров из рабочих и крестьян, которого не знала старая русская армия. Как они шли, не шли — летели над землей! Как они хотели красиво двигаться, просили, чтобы мои родители научили их танцевать мажурку.

Любимые игрушки в детстве — оружие, которое в изобилии имелось в доме (у отца был офицерский наган «За храбрость», винчестер, на серебряной пластинке которого выгравирована надпись «Замкомполка Льву Васильеву за отличную стрельбу»). Зажимал в дверях ножны и с трудом вытаски-

вал кавалерийскую шашку ростом с меня! Мама, конечно, расстраивалась.

Здесь в разговоре был затронут очень важный вопрос: что для ребенка является ценностью с раннего возраста? Васильев гозорит, что дома с благоговением относились к книгам и боевому оружию. Вещи — ерунда, какие там вещи! Есть самое необходимое — и хорошо.

Больше всего увлекался приключенческой литературой и военной историей. Отец, кадровый офицер, фанатик своего дела, рассказывал о недавних сражениях, о людях, составлявших военную славу России. Его рассказы навсегда запечатлелись в памяти. И вот сейчас,

Борис
ВАСИЛЬЕВ:

ВСЕ МЫ...

через много лет, Б. Васильев собирает материалы для романа о гражданской войне.

— Можно ли теперь говорить о своеобразном «триединстве» в вашем подходе к военной теме?

— Видите ли, когда я писал «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», я не думал о том, что когда-нибудь напишу о русско-турецкой войне. А вот «Были и небыли» появились именно потому, что задумал роман о Красной гвардии. Мне кажется, что осмысление такого сложнейшего события, как гражданская война, требует определенного «разбега», что ли. Какие силы сошлись на Дону, у Перекопа, под Царицыном? Что побуждало людей принимать ту или иную сторону в битве? Чтобы найти для себя ответы на эти вопросы, я и решил заглянуть в историю и, отчасти воспользовавшись судьбами своей семьи, попытаться воссоздать эпизоды из жизни русского общества 70-х годов прошлого века. Это был сложный период, когда лучшие люди России металлись в поисках ответов на мучившие их вопросы, период, когда переплелись проблемы русского общества с проблемами балканских стран. Это был период, когда русская армия выступала как армия-освободительница.

Работа над романом «Были и небыли» продолжалась пять лет. Б. Васильев дважды побывал в Болгарии, провел много дней там, где шли кровопролитные сражения, — в Плевене, на Шипке...

— Имя генерала Скобелева в братской стране и по сей день относится к числу самых чтимых и уважаемых. Нет, кажется, города, где не было бы бульвара, школы или площади имени героя...

Для меня очень большое значение имела возможность увидеть своими глазами легендарные места боев, где и сейчас все сохранено, как было. Там, на Шипке, мне подарили осколок старой гранаты. Он все время лежал на моем письменном столе — немой свидетель, «участник» битвы. Этот осколок стал для меня таким же дорогим, как затвор от винтовки из Брестской крепости. Помню, я часто касался его, работая

над повестью «В списках не значился». Это может показаться кому-то отчасти даже сентиментальным, но много реальные предметы из эпохи, о которой пишу в данный момент, обладают особой властью.

Я прошу Б. Васильева вернуться к рассказу о том, как собирается материал для книги о гражданской войне.

— Кроме того, что хорошо помню рассказы родных, мне очень повезло — досталась библиотека, в которой собраны воспоминания о гражданской войне ее участников.

Почему меня так увлекла эта тема? Да потому, что мне порой кажется, что некоторая часть молодежи стала

ОТКУДА

ВСЕ МЫ...

забывать, откуда все мы, о наших корнях, о святых людях, которые отдавали жизни во имя будущего, защищали его. Белье сражались за вчерашний день, красивые — за завтрашний! Мне хочется «влюбить» читателей в моих героев, чтобы сильнее забились сердца, чтобы ахнул какой-нибудь нынешний парень: вот ведь какими были они, молодые, красивые ровесники нынешних двадцатилетних... Работа предстоит огромная, пока что лишь читаю, думаю, делаю отдельные «заготовки».

На вопрос о том, будет ли писатель возвращаться к судьбе семьи Олексиных и не думает ли сделать именно их центральными персонажами нового романа, Б. Васильев ответил, что, вероятно, напишет небольшую повесть, в которой окончательно определится судьба членов этой семьи, однако действие повести будет происходить за два десятилетия до начала гражданской войны.

Я слушаю рассказ Б. Васильева — а говорит он горячо, темпераментно, вскрикивает: «Братцы мои, да что же это получается!», — хлопает себя по колену — никогда не подумаешь, что этот высокий седой человек с явно военной выправкой (прямая-прямая спина, сидит не сутулясь и не прикасаясь к спинке стула) может так горячо и с таким юмором рассказывать о себе.

— Я с детства был очень смешлив. Однажды на чаплинских «Новых временах» в обморок от хохота упал. А вот писать с юмором, по-моему, очень трудно, этому надо учиться. И вообще, я даже не знаю, чему не надо учиться, чтобы стать писателем.

С любовью рассказывает о знаменитом режиссере Алексее Дмитриевиче Попове, который откликнулся на первую пьесу молодого военного («Почему отправил ее в Театр Советской Армии? Потому, что пьеса была, конечно, об армии, называлась «Танкисты»). Автор был приглашен в Москву.

— Целый год ежедневно, как на работу, ходил в театр. Весь репертуар знал панзусь, старался понять принципы драматургического искусства...

Тогда же состоялось зна-

комство с Николаем Федоровичем Погодиным, приглашавшим Васильева в мастерскую кинодраматургов.

— Писал много, переделывал, сокращал, выбрасывал целые куски — спешил, каждый день приносил Погодину новый вариант эпизода. Однажды он сказал: «Борис, не приезжайте ко мне завтра. Вот вам задание — перепишите какой-нибудь рассказ Чехова». — «Перечитать?» — «Нет-нет, перепишите, и не дай бог на машинке — от руки!» Я выбрал небольшой рассказ. Это был «Злоумышленник». Взял ручку, стал переписывать, внимательно

внимательно

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

глядя в книгу. И вдруг меня осенило — так вот зачем Николай Федорович дал мне это, на первый взгляд, странное задание! Я всей душой ощутил тайну чеховской фразы. Да-да, серьезно, мне кажется, что именно такой способ работы и дает возможность как бы «подсмотреть» процесс рождения гениальных чеховских произведений. На следующий день, захлебываясь от восторга, горячо объяснял Погодину, как Чехов строит фразу. Мой учитель слушал меня, довольно посмеиваясь... Может быть, вам кажется странным, что, говоря о тех временах, я все вспоминаю, с каким восторгом учился, но ведь мне все

было ново! Стремление усвоить азы театральной и кинодраматургии, желание писать заставляли меня брать за новые и новые работы. Ни о чем из того, что было написано до выхода повести «А зори здесь тихие...», я не жалею. Считаю это нужными и важными уроками, давшими мне определенные навыки литературной работы.

(Кстати, как-то раз известный кинорежиссер, взявший сценарий Б. Васильева, упрекал его в чрезмерной «литературности» текста.)

— А мне в то время ужасно хотелось попробовать писать прозу, вот я и писал вместо «Ночь. Светит луна. Виден силуэт в окне» целую новеллу на эту тему.

Напоминаю, что критики обнаруживали в каждой новой вещи писателя иной стиль. Что же, это принцип работы или...

— Один из моих друзей-писателей утверждает, что даже если ты раскроешь в середине книжку без обложки, то по нескольким фразам должен узнать: Чехов, Толстой, Достоевский. Верность стилю — его credo.

Я убежден, что каждое произведение требует своего способа изложения, структуры, лексики. Больше всего мучаюсь и переписываю первую главу, ищу интонацию, которая, как мне кажется, наиболее естественно выразит суть задуманной вещи. Это не значит, что дальше все идет «без сучка, без задоринки», но все-таки начало сложное. И когда буду писать о гражданской войне, о красногвардейцах, надеюсь, что сумею найти верные слова и правдивую интонацию для рассказа об этом прекрасном и яростном времени.

Беседу вел
Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ